

Теория

Обыденное сознание иногда играет с нами злые шутки. Казалось бы, что непонятного может быть в слове “теория”? Все люди еще со школьной скамьи имеют об этом представление. Но если кто-то захочет разобраться с этим термином более глубоко, ему совершенно неожиданно встречаются на этом пути определенные трудности. Часть этих трудностей носит семантический характер. Как и многие слова живого языка термин “теория” полисемичен, и все его смыслы разделяются на две группы.

Первая группа связана с пониманием теории как антитезы практики. Знакомство с литературой по этому вопросу показывает, что даже здесь, в отделении теории от практики, не все так просто. Однако, для наших целей эта группа смыслов мало полезна. Тем более, что отнюдь не всё, что не практика, является теорией.

Вторая группа смыслов связана с пониманием теории как таковой.

Вот примеры определений теории, встречающиеся в литературе.

Теория - высшая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности - объема данной теории [8, с.435].

Теория - совокупность обобщенных положений, образующих какую-либо науку или раздел её [74, с. 491].

Теория - апикально-эволюционная матрица морфологизации-тектонизации научно-концептуального знания, которое дает-репродуцирует тотально-базальную репрезентацию-конституитивность о кардинальных закономерностях и квинтэссенциональных когеренциях той или иной сферы-континуума действительности-науки-дисциплины-социума [76, с. 653].

Теория - система основных идей в той или иной области знаний [94, с.452].

Не говоря уже о том, как не совпадают эти определения между собой, что ярко демонстрирует отсутствие сегодня общепризнанной точки зрения по этому вопросу, мы вынуждены констатировать, что эти определения не являются “определениями”.

Задача определения - точное отграничение данного понятия от всех других понятий по содержанию и объему.

Существует несколько видов определений: остенсивные, генетические, контекстуальные, через отношение к своей противоположности, сравнение, описание, через ближайший род и видовое отличие и другие.

Первая группа - определения неявные.

Остенсивное (наглядное) определение не прибегает к использованию значений других слов. Достаточно указать пальцем и сказать: “Это стол”. Таким образом могут определяться предметы, явления, действия. Недостатки этого вида определения очевидны.

Генетические определения дают представления о понятии путем описания способа его образования, построения, изготовления, достижения. Таким способом, например, принято определять физические величины: “скорость есть векторная величина, равная первой производной радиус-вектора по времени”

Контекстуальные определения представляют собой процедуру, в процессе которой значение термина становится понятным из контекста. Именно таким способом значения слов определяются в толковых словарях.

Смысл определения через отношение к своей противоположности понятен из его названия. Такие определения широко используются при определении философских категорий: “свобода есть познанная необходимость”; “возможность - потенциальная действительность”.

При помощи сравнения один предмет или явление сравнивают с другим, сходным в каком-либо отношении. Обычно сравнение применяют для образной характеристики предмета: “собственность есть кража”.

Методом описания предмет или явление характеризуется путем перечисления значительного набора его признаков: “чудище обло, озорно, огромно, стозевно и

лаяй”.

Хотя вышеприведенные виды определений могут быть названы определениями только с некоторой долей условности, однако и они имеют свою область применения, но в науке эта область весьма незначительна - главным образом для характеристики основных неопределяемых понятий, т.к. определяемые таким неявным образом понятия не могут считаться *точно* отграниченными от всех других понятий по содержанию и объему.

Наиболее распространенным и в наибольшей степени приспособленным к использованию в логических построениях видом является вид явного определения через ближайший род и видовое отличие. Аристотель вообще считал его единственным достойным видом определений. К сожалению, использовать только этот вид определений во всех случаях не представляется возможным. Всегда существуют какие-то исходные, первичные понятия, полученные внелогическим путем.

Определение через ближайший род и видовое отличие состоит из двух понятий: определяемого и определяющего, где определяемое представляет собой подмножество множества определяющего, а также признака (признаков), по которому из множества определяющего выделяются элементы подмножества определяемого.

Из всех видов определений именно этот вид, в литературе часто называемый классическим, наиболее приспособлен для употребления в строгих научных целях.

Исходя из вышесказанного, при конструировании определения понятия “теория”, мы постараемся сделать его классическим.

Прежде всего необходимо правильно найти определяющее понятие.

Анализируя существующие определения теории, а также размышляя над смыслом этого понятия, нельзя не прийти к выводу о том, что теория - это всегда некая совокупность элементов. Очевидно, что, составляя теорию, эти элементы не могут представлять собой хаотический набор. Напротив, они должны быть структурированы и составлять определенное единство. Больше всего этим требованиям отвечает понятие “система” (от греческого *συστημα* - целое, составленное из частей). Словарь дает нам такое определение: система - множество закономерно связанных между собой элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, представляющее собой целостное образование, единство. “Систематичность и есть сущность любой теории” [9, с.184]. Таким образом, теория - это *система*.

Теперь из всего множества систем необходимо выделить подмножество систем, представляющих собой именно теории. Поскольку система - это совокупность связанных элементов, то для формулирования признаков, выделяющих теории из множества всех систем, можно использовать два способа:

- 1) выделение и характеристика элементов;
- 2) выделение и характеристика способа связей между ними.

Из каких же элементов всегда и неизбежно состоит теория? Прежде всего, это *понятия*. Тут мы сразу же сталкиваемся с определенными трудностями, поскольку то, что мы называем понятием, - трудноопределимо. “Не существует общепринятого определения понятия” [22, с.354]. Широко распространённое определение: “Понятие - это форма мышления, отражающая предметы и явления в их существенных признаках” - не может быть нами использовано, поскольку понятие - это прежде всего элемент реального мира и, кроме того, такое определение мало что может нам дать, т.к. “форма мышления” [12, с.87] в качестве элемента системы - теории - вряд ли удобна, поскольку для теории значительно более важно заключённое в понятие содержание. Вот другие определения: “Понятие - это мысль или система мыслей, обобщающая, выделяющая предметы или явления некоторого класса по определенным и в совокупности специфическим для них признакам”; “Понятие - мысль, отражающая и фиксирующая существенные признаки вещей и явлений объективной действительности”; “Понятие - это суждение, предикатом которого является мысль о всеобщем в явлении”; “Результаты, в которых

обобщаются данные его (естествознания - С.Е.) опыта, суть понятия"; "Понятие - высший продукт мозга, высшего продукта материи"; "Теория - это всесторонне развитое и конкретизированное понятие, а понятие - абстрактное начало и способ построения теории" [22, с.87]. Такое разнообразие определений еще раз доказывает отсутствие общепризнанного понимания.

Мы же в дальнейшем под "понятием" будем понимать

любой мыслимый абстрактный объект, ограниченный от любого другого мыслимого абстрактного объекта по своим существенным признакам.

Совокупность существенных признаков понятия составляет его содержание, которое отражается в его определении. Совокупность конкретных объектов, обобщенных в абстрактном объекте – понятии, представляет собой его объем: совокупность всех законов составляет объем понятия "закон", совокупность всех столов составляет объем понятия "стол". Определение понятия должно отражать его содержание таким образом, чтобы объем понятия содержал все те и только те конкретные объекты, которые действительно обобщены в определяемом понятии. "При увеличении объема содержание понятия уменьшается; если понятие становится всеобъемлющим, то содержание должно исчезнуть вовсе" [100, с.44].

Для окончательного уяснения понятия "понятие" полезно контекстуально связать его с понятием "термин". Термин - это слово или словосочетание, призванное лингвистически обозначить понятие и его соотношения с другими понятиями в пределах специфической сферы (в нашем случае - теории).

Термин - это имя понятия.

К сожалению, такое имя (термин) как любое слово чаще всего имеет и самостоятельную смысловую нагрузку, иногда вступающую в противоречие с определением. В таких случаях первично определение понятия, а не смысловая нагрузка термина. Возможно, именно для преодоления, смягчения этого противоречия, вводя новые понятия, их авторы в качестве терминов для них берут слова из другого языка, не того, на котором они излагают свою теорию и дают понятиям определения.

Совокупность вышесказанного позволяет надеяться, что нам удалось определить понятие "понятие", т.е. указать и объяснить значение и смысл термина "понятие", обозначить объем и содержание выражаемого этим термином понятия "понятие" таким образом, чтобы не дать возможности увидеть за термином "понятие" какой-либо иной смысл, отличный от того, какой мы хотели бы ему придать.

Процесс осмысления понятия "понятие" является важной иллюстрацией того, как иногда трудно, а подчас и невозможно преодолеть неявный характер определений. Особенно трудно это бывает с наиболее абстрактными, обобщенными понятиями и их терминами. Тем не менее, мы всегда должны стремиться к классической, явной форме определения всех встречающихся в теории понятий и прибегать к неявной форме только тогда, когда дать явное, классическое определение действительно не представляется возможным. И если, несмотря на все наши старания, какому-либо понятию не удастся дать классического определения, это, скорее всего, означает, что данное понятие относится к группе первичных понятий, т.е. самых существенных, основополагающих понятий данной теории. Такие и только такие понятия будем называть *основными понятиями*. Все остальные понятия теории - *определяемые понятия* - должны быть определены классическим способом.

Все классические определения понятий теории должны соответствовать следующим правилам.

1. Определение должно быть ясным.

Это правило требует, чтобы в определении использовались только те признаки, которые сами не нуждаются ни в определении, ни в пояснении. Нельзя определять неизвестное через неизвестное. Если не удастся избежать использования в определении другого понятия, то это другое понятие к моменту появления в теории рассматриваемого определения уже должно быть определено. Нарушение этого правила может разрушить, и иногда разрушает всю конструкцию "теории".

Кроме того, в классическом определении не допускается в качестве признаков

использовать метафоры, сравнения и т.п. Однако, ради достижения более яркого, выпуклого изложения это правило иногда нарушается.

2. Определение должно быть соразмерным.

Это правило требует, чтобы определение охватывало те и только те элементы, которые составляют определяемое понятие. Несоблюдение этого правила может привести к двум видам ошибок:

□ слишком широкому определению, при котором определение включает в себя также и элементы, не относящиеся к определяемому понятию;

□ слишком узкому определению, при котором определение не включает в себя некоторых элементов, относящихся к определяемому понятию.

Вопросу точного отграничения данного понятия от всех других большое значение придавал Аристотель. В его формулировке правило соразмерности выглядит следующим образом: “Такого рода [свойства] следует, таким образом, брать до тех пор, пока не получают их как раз столько, чтобы каждое простиралось на большее, но чтобы все вместе не простиралось на большее, ибо эта [совокупность свойств] необходимо есть сущность [вещи] (понятие – С.Е.)” [4, с.334]. Иными, современными словами, каждый признак (свойство по Аристотелю) из множества определяющего должен выделить некое подмножество, которое полностью включало бы в себя подмножество определяемого понятия, а пересечение подмножеств, выделяемых всеми признаками, давало нам точное подмножество определяемого понятия. При этом вовсе не обязательно, чтобы граница подмножества была описана именно теми признаками, при помощи которых мы производили процедуру выделения. Наше определение понятия не пострадает, если “уже заданные линии применить новым способом для ограничения области” [100, с. 110] нашего определяемого понятия. Что нам совершенно необходимо для соразмерности понятия, так “это его точные границы, чтобы для каждого предмета было определено, попадает он под него (понятие - С.Е.) или нет” [100, с. 99].

3. Определение не должно замыкаться в кольцо.

Это правило требует, чтобы в определении не использовались понятия, которые в свою очередь определялись бы при помощи определяемого понятия. Наиболее злостная форма нарушения этого правила - тавтология, т.е. такое “определение”, в котором определяемое понятие определяется через самого себя. Например, международный договор - договор, заключенный между народами.

4. Определение не должно содержать отрицания.

Это правило требует, чтобы в определении указывалось, чем является определяемое понятие, вместо того, чтобы указывать, чем оно не является. Например, высказывание: “общество - это не государство” не может использоваться как определение. Много есть на свете того, что не государство, но и не общество.

К сожалению, это одна из самых распространенных логических ошибок.

Иногда, в очень редких случаях, такая конструкция определения правомерна. Для того, чтобы это было так, необходимо, чтобы определяющее и определяемое понятия являлись подмножествами некоторого множества, представляющего их объединение. В таком случае это объединенное множество содержит те и только те элементы, которые содержатся в объединяемых множествах. Известно, что множество, элементами которого являются все руки, составляют подмножества только правых и только левых рук. То есть, подмножество правых рук является дополнением подмножества левых рук. Таким образом, не было бы нарушением правила 4 сказать, что правые руки - это руки, не являющиеся левыми. В таком и только в таком случае определяемое понятие можно определить через отрицание его дополнения. Но, во-первых, такие случаи существования дополнительных понятий довольно редки, и, во-вторых, очень велика опасность нарушить правило 1, т.к. скорее всего, к моменту определения определяемого понятия и дополнительное ему понятие еще не будет определено.

Таким образом, эта распространенная логическая ошибка заключается в том, что

в конструкции определения с отрицанием в качестве отрицаемого используется такое понятие, которое не является дополнением определяемого понятия.

Единственное исключение из этого правила - определение отрицательных по своей сути понятий: "безбожник - человек, не признающий существования бога".

Следующая группа элементов, без которых не мыслится ни одна теория, это *утверждения*. Утверждения устанавливают или выражают внелогические, содержательные, сущностные *отношения* между понятиями (терминами) и являются теми самыми логическими единицами, каждой из которых необходимо присуще одно из фундаментальных логических свойств - быть истинной или быть ложной. Однако, не всякие утверждения могут быть использованы в качестве признаков, характеризующих именно теорию. Один из видов утверждений - *утверждение первоначальное* - несомненно является элементом теории. В данном случае "первоначальное утверждение" является обобщающим термином для аксиомы, постулата, гипотезы, принципа, тезиса, начала и т.п.

Такие утверждения высказываются как очевидные, недоказуемые, истинность которых заранее предполагается. Тем не менее, "Аксиома - это истина, не требующая доказательства" - выражение, иногда употребляемое в учебниках, содержит вовсе не тот смысл, которым мы собираемся наделить понятие "первоначальное утверждение". У нас аксиома не потому, что "это очевидно", не потому, что *не требует* доказательства, а потому, что *не может быть* доказана. При этом не должно поддаваться искушению использовать термин "истина" для характеристики того, что понимается под утверждением в его значении "соответствие действительности, практике". Первое употребление и этимологически неверно. Греческое слово $\alpha\chi\iota\omega\mu\alpha$ и латинское слово *postulatus* буквально означают - требование. Не случайно автор первой в истории человечества теории - Евклид - начинал свои аксиомы со слова "требуется". Так и в любой другой теории для построения всех последующих рассуждений требуется *заранее считать* что-то таковым, а не иным. Таким образом, под *первоначальным утверждением* мы будем понимать высказывание, *принимаемое* в данной теории в качестве истинного (т.е. не ложного) заранее, до ее построения. Все то, истинность чего в рамках данной теории может быть доказана, не является аксиомой, постулатом, т.е. *первоначальным утверждением*.

При этом наши первоначальные утверждения вовсе не должны обязательно быть чем-то самоочевидным, общепризнанным. Для нас важно и достаточно того, что мы полагаем их истинными *только* в рамках строящейся теории, а если они при этом оказываются общепризнанными, мы должны воспринимать это как случайное совпадение, не означающее ни хорошего, ни плохого для нашей дальнейшей работы.

Вместе с тем, эти первоначальные утверждения не могут считаться выведенными из-под какой-либо критики. Наоборот, все дальнейшие манипуляции внутри теории как раз и служат той целенаправленной проверкой, критическим осмыслением, которые позволяют вовремя отказаться от неудачного первоначального утверждения, откорректировать, видоизменить его так, чтобы результат этих построений можно было назвать Теорией. Отсюда видно, что в начале процесса построения теории первоначальные утверждения - скорее гипотезы, т.е. предположения о том, что требуется. В процессе построения они постоянно проверяются внутренними способами строящейся теории. Когда построение продвинется достаточно далеко, и утверждение выдержит эти внутренние проверки, становится понятно, что для построения данной теории требовалось именно это утверждение. "...Аксиомы не являются ни синтетическими априорными суждениями, ни опытными фактами. Они суть условные положения (соглашения): при выборе, между всеми возможными соглашениями мы руководствуемся опытными фактами, но самый выбор остается свободным и ограничен только лишь необходимостью избегать всякого противоречия" [66, с.40].

Тем не менее, о качестве набора первоначальных утверждений кое-что можно

сказать и до того, как построение теории продвинется достаточно далеко. Совокупность первоначальных утверждений как часть теории также представляет собой систему. Хорошая система первоначальных утверждений (аксиоматическая система) теории должна удовлетворять целому ряду требований.

1. Содержательность.

Каждое первоначальное утверждение должно иметь содержание, т.е. оно должно представлять собой осмысленное предложение, о котором можно было бы сказать, что оно ложно или оно истинно (в логическом смысле). Соблюдение этого требования обязательно, хотя бы исходя из логического закона исключенного третьего, который говорит о том, что А (утверждение) может быть либо истинным, либо ложным. Третьего не дано. Это лежит в основе логического отрицания: если А - истинно, то (не А) - ложно.

Если среди первоначальных утверждений, составляющих аксиоматическую систему, у нас окажется такое, об истинности которого мы не можем судить по причине невозможности осмыслить его содержание, такое утверждение в лучшем случае бесполезно и должно быть отрезано "бритвой Оккама", а в худшем случае оно, не подчиняясь логическим законам, может разрушить нашу теорию.

2. Формальная непротиворечивость.

Если среди первоначальных имеются утверждения, противоречащие друг другу, то это разрушает теорию как систему. Закономерно связать противоречивые утверждения невозможно. Согласно логическому закону непротиворечивости оба противоречивых утверждения одновременно не могут быть истинными, значит, *хотя бы одно из них ложно*.

Для того, чтобы аксиоматическая система стала действительно системой, первоначальные утверждения должны быть между собой связаны. В качестве способов связи утверждений между собой логика предлагает нам конъюнкцию, дизъюнкцию, импликацию, эквивалентность. Не все из них годятся для объединения утверждений именно в аксиоматическую систему. Так, дизъюнкция не подходит для этой цели из-за того, что заставляет нас выбирать какое-либо одно из связанных дизъюнкцией утверждений, говоря: либо А, либо В. Но поскольку нам необходимо сохранить обе наши аксиомы, от дизъюнкции мы вынуждены отказаться.

Эквивалентность говорит: А тогда и только тогда, если В. Но это означает, что А не является самостоятельной аксиомой, а является следствием В и, следовательно, от эквивалентности мы тоже вынуждены отказаться (см. правило 4).

Самым удобным способом связи является конъюнкция, которая говорит: и А, и В, т.е. является буквальной совокупностью всех наших утверждений - аксиом. Нам совершенно необходимо, чтобы вся совокупность (конъюнкция) была истинной. В принципе, каждое утверждение может быть как истинным (1), так и ложным (Ø). Согласно таблице конъюнкции

А	В	А и В
1	1	1
1	Ø	Ø
Ø	1	Ø
Ø	Ø	Ø

совокупность утверждений истинна только тогда, когда истинны оба (все), входящие в нее утверждения. Если хотя бы одно из них ложно, становится ложной и вся совокупность. Таким образом, если мы имеем пару противоречащих друг другу утверждений, то хотя бы одно из них ложно и, следовательно, соединяя их в систему при помощи конъюнкции, мы получаем ложную аксиоматическую систему.

Поскольку импликация: если А, то В или $A \Rightarrow B$ (если на небе тучи (А), то идет дождь (В)), является значительно менее жесткой, чем эквивалентность, мы обязаны рассмотреть и такой способ объединения утверждений в аксиоматическую систему. Согласно таблице импликации

A	B	$A \Rightarrow B$
1	1	1
1	\emptyset	\emptyset
\emptyset	1	1
\emptyset	\emptyset	1

в случае истинности условия (A) и ложности заключения (B) вся импликация является ложной. В нашей аксиоматической системе заранее неизвестно, какое первоначальное утверждение можно расценивать как условие, а какое - как заключение, следовательно, при наличии одного ложного утверждения (заключения) вся импликация становится ложной. Но если кому-то покажется, что достаточно сгруппировать аксиомы таким образом, чтобы ложным было именно условие и это исправит положение, то это не так. В таблице импликации этому случаю соответствуют две последние строчки, которые говорят нам, что из логически ложного условия следует все, что угодно.

Таблица импликации показывает, что в случае ложности A, независимо от истинности или ложности B, импликация $A \Rightarrow B$ является истинной. В живом русском языке этот факт нашел отражение в следующей популярной фразе: “Если (следует любое неправильное, с точки зрения говорящего, утверждение), то я - китайский император”.

Таким образом, независимо от того, какую позицию в импликации занимает ложное (противоречивое) утверждение, совокупность всех утверждений приобретает для разработчиков теории неудовлетворительный характер, следовательно, формальная непротиворечивость первоначальных утверждений является *безусловным* требованием, ему должна удовлетворять всякая теория.

3. Дедуктивная полнота.

Аксиоматическая система должна в явном виде содержать полный набор первоначальных утверждений, необходимый и достаточный для дедуктивного построения всех выводов данной теории. Если некоторая теория содержит интуитивно полученный вывод, который не противоречит другим выводам этой теории и ее аксиомам и при этом дедуктивно не выводится из этих аксиом, аксиоматическая система должна быть дополнена еще одним необходимым первоначальным утверждением, либо некоторые первоначальные утверждения должны быть усилены так, чтобы этот вывод можно было бы получить как их следствие. При этом очень велика вероятность того, что такое усиление аксиоматической системы не только даст обоснование этому интуитивному выводу, но и даст нам несколько новых, неожиданных выводов.

К сожалению, теории частенько грешат дедуктивной неполнотой двух родов. Первый род неполноты связан с тем, что разработчики теории, а потом и её исследователи, некие вещи считают настолько очевидными, что, по их мнению, они даже не требуют вербализации. Иногда это действительно так и есть, а иногда так только кажется, и усомнившийся в очевидности становится автором ещё одной новой теории. Как бы там ни было, только произнесение, фиксирование таких скрытых элементов теории позволяет нам самим убедиться и показать всем остальным, что очевидное действительно очевидно. Даже теория Евклида не убереглась от такого недостатка, полагая, например, в неявном виде однородность и изотропность пространства. Если бы эта аксиома в явном виде присутствовала в теории Евклида, многие споры между приверженцами его теории и других теорий были бы просто невозможны, т.к. наличие в двух теориях двух разных аксиом однозначно делает их *разными* теориями.

Второй род неполноты связан с тем, что и некоторые определения содержат в себе аксиомы в скрытом виде. Д.С.Милль утверждал, что *всякое* определение содержит в себе аксиому. А.Пуанкаре считал, что аксиомы геометрии суть не более, чем замаскированные определения. Хотя, казалось бы, что аксиома в неявном виде, зафиксированная в определении, лучше совсем не зафиксированной, очевидной аксиомы, в действительности это не такое уж преимущество. Такая скрытая аксиома

также выведена из-под целенаправленной критики, из-под критического осмысления ее в качестве именно аксиомы, что затрудняет выявление всех возможных противоречий.

Требование дедуктивной полноты вполне оправдано, но выполнить его нелегко. Однако, очень важно, чтобы это требование осознавалось как важная цель аксиоматизации.

4. Взаимонезависимость.

В правильно построенной теории её различные аксиомы не должны выводиться друг из друга. Во-первых, это необходимо во избежание тавтологий (см. правило определений 3). Во-вторых, называя теорему аксиомой, мы плодим сущности сверх необходимого.

Кроме того, и самое главное, исследование взаимонезависимости аксиом - основное оружие в борьбе теорий между собой. Если бы кому-либо удалось доказать, что постулат Евклида о том, что через данную точку можно провести лишь одну прямую, параллельную данной, является не постулатом, а теоремой, в ту же минуту теория Лобачевского перестала бы быть теорией. Если бы кому-либо удалось доказать, что постулат Евклида о том, что между двумя точками можно провести только одну прямую, является не постулатом, а теоремой, в ту же минуту теория Римана перестала бы быть теорией. Но поскольку этого не случилось и эти постулаты остаются постулатами, все три указанные теории имеют право на существование в качестве теорий, а при построении своей новой (четвертой) теории любой теоретик вправе в качестве своего постулата избрать любое другое утверждение взамен любого из постулатов Евклида, лишь бы первоначальные утверждения *его теории* не противоречили друг другу. Именно поэтому теории Евклида, Лобачевского, Римана *законно* сосуществуют в науке. Но как только вновь вводимая аксиома вступает в противоречие хотя бы с одной уже принятой аксиомой, новая теория в силу безусловности второго требования тут же рассыпается как карточный домик.

Итак, у нас есть элементы - понятия и первоначальные утверждения. Достаточный ли этот набор для того, чтобы любую построенную из этих элементов систему можно было бы назвать теорией? Наверное, нет. Есть еще один вид утверждений, необходимо являющихся элементами теории.

Всякая теория стремится быть полезной - нет ничего практичнее хорошей теории. А польза теории заключается в ее элементах третьего рода: теоремах, леммах, следствиях, т.е. всех тех “правильных” *выводах*, которые можно сделать на основании первоначальных утверждений, используя понятия данной теории. Более того, именно ради этих выводов и затевается строительство любой теории. Таким образом, под *выводом* мы будем понимать утверждение, полученное путем логических построений из *первоначальных утверждений* (высказываний, заранее принятых в качестве истинных) и истинное (т.е. логически не ложное) именно в рамках данной теории.

В результате наших рассуждений получен набор, состоящий из необходимого и достаточного количества элементов любой теории - понятий, первоначальных утверждений, выводов. Если понятия уподобить кирпичикам, из которых можно построить любую часть здания теории, то первоначальные утверждения - аксиомы - образуют фундамент теории, а доказанные (выведенные) утверждения - выводы - его стены и крышу.

Для завершения, уяснения понятия “теория” осталось в явном виде обозначить характер связей между этими элементами, причем такой, который показал бы необходимость, закономерность именно таких связей.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что понятия, утверждения, выводы - лингвистические объекты, т. е. объекты языка. Понятия (термины) - это слова, а первоначальные утверждения и выводы (и те, и другие - высказывания) - предложения. Все первоначальные утверждения теории предполагаются истинными

по определению. Всякая теория утверждает, что ее выводы также истинны. Что же может убедить любого непредвзятого исследователя данной теории в том, что это действительно так, то есть в том, что выводы этой теории действительно истинны? Есть только один способ объективной внутренней проверки истинности предложений-выводов - это их соответствие логическим законам.

Некоторым областям знаний повезло больше - у них есть еще и возможность проверки выводов на соответствие реальным фактам. В случае выявления несоответствия выводов такой теории реальным фактам, необходимо проверить правильность процедуры вывода и, если вывод проделан правильно, придется корректировать аксиоматическую систему. Другим областям знаний повезло меньше - у них нет такой возможности. Однако, любая теория, представительница любого из видов знаний нуждается в использовании логических законов при построении механизма своего внутреннего устройства.

Все предложения в языке подчиняются пропозициональному исчислению или исчислению высказываний, с более общей точки зрения - исчислению предикатов. Исчисление предикатов является разделом логики - науки, которая лежит в основе каждой рациональной дисциплины и которую *не может опровергнуть никакой эксперимент или факт*. Причина такой отчужденности от практики, экспериментальной проверки состоит в том, что логика имеет дело не с миром, а с утверждениями и с манипуляциями ими совершенно независимо от их содержания [9, с.56]. Существует единственная теория, которая начинается почти на голом месте, которая не опирается ни на какую другую теорию, - логика. Все остальные теории предполагают помимо логики многое сверх того. "Безусловно вечное, т.е. вневременное значение имеют идеальные истины логики и математики" [97, с. 78]. Любая научная теория в качестве логического минимума берет так называемое исчисление предикатов с равенством. Это необходимо и достаточно для того, чтобы анализировать понятия и умозаключения, встречающиеся в математике и естественных науках. Любое высказывание, коль скоро рассматривается его форма, является формулой этого исчисления, и каждое правильное рассуждение содержит в себе правило вывода, задаваемое логикой. Совершенно очевидно, что теория может состоять только из истинных вторичных утверждений - теорем, выводов. Все ложные (в логическом смысле) утверждения тем самым выводятся из состава теории.

Однако, для того, чтобы данный логический аппарат можно было использовать, обязательно должно быть выполнено условие о том, что все субъекты и предикаты, понятия всех высказываний, участвующих в конкретном исчислении, должны принадлежать одному универсуму. Универсумом (U) называется множество такое, что все рассматриваемые в системе множества (понятия) являются подмножествами U [38, с.44]. Другими словами, каждый субъект или предикат, участвующий в исчислении высказываний, должен представлять собой элемент подмножества (подмножество) одного, общего для всех них множества - универсума. Это условие, с легкостью выполняемое, например, в математике, является огромной проблемой для любой гуманитарной науки. Преодоление этой проблемы является важным шагом на пути достижения любой наукой высоты науки теоретической.

Было бы неверным думать, что все научные теории разрабатывались с использованием исчисления предикатов. Многие теоретики в работе довольствовались своим представлением о правильности, здравым смыслом, которые, в свою очередь, хоть и в неявном виде, опираются на логику. Ведь именно логика контролирует правомерность того, что строится с помощью понятий.

Более того, всякая теория для своего изложения использует язык, который сам по себе является логической структурой. Таким образом, логичность языка также даёт теории логическое основание. Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что всякая теория, будучи проверена на соответствие принципам дедуктивного построения, выдержит такую проверку, а если не выдержит, значит с ней что-то неладно. Оказывается, что многие строители правильных теорий вслед за бессмертным героем даже не подозревают о том, что "говорят прозой".

Таким образом, всякая теория предполагает именно логически верный характер связей между ее элементами.

Теория - это система понятий, постулированных утверждений, а также логически строго следующих из них выводов.

Очевидно, что такие системы существуют и могут существовать только в одном месте Вселенной – в человеческой голове. Книга с названием “теория” (в том числе и эта книга), т.е. бумага, краска, клей не есть собственно теория. Теории становятся теориями в человеческом сознании.

Очевидно также, что именно сознание и только сознание *создает* теории. Для чего? Ведь главная черта всякого сознательного акта, всякого акта сознания есть предуказанная (конечно, самим сознанием), предвидимая и ощущаемая как достижимая цель.

С какой же целью человек создает теории? Обычно считается, что с целью объяснить некоторый круг явлений, свойств, предметов - объектов теории. Иногда говорят совсем общо, философски - для того, чтобы познать Вселенную, полагая, что она вся целиком состоит из объектов некоторых теорий или сама представляет такой объект.

Не претендуя на столь возвышенные цели, мы укажем одну бесспорную цель всякой теории - такую, которую несомненно преследует теория права.

Мы утверждаем, что *цель* (возможно, одна из целей) *всякой теории состоит в представлении человеческому разуму понятных ему сведений о том, как устроен объект теории, как он функционирует и как с ним следует обращаться*, чтобы достигнуть каких-либо других, по большей части, практически важных для человека целей.

Словом, опять “нет ничего практичнее хорошей теории”.

Здесь требуется пояснить, по крайней мере, несколько использованных выше понятий.

Мы употребляем слово “объект” в том смысле, что теория точно и определенно выражает свойства и механизм устройства и действия этого предмета. Но такого точного выражения в отношении реальных предметов внешнего мира не бывает *никогда*. Даже в науках, которые в опыте, в эксперименте (в наблюдениях и измерениях) могут проверять свои выводы, всегда есть маленький зазор, промежуток между теоретическими и экспериментальными величинами, который человек стремится по возможности уменьшить, усовершенствуя либо теории, либо методы наблюдений. Но он есть всегда.

Банальный пример: при измерении углов на поверхности земли с целью составления топографических планов никогда не выполняется или только случайно выполняется теорема о равенстве суммы углов треугольника двум прямым. Небольшую “невязку” в таких измерениях считают их ошибкой и вносят в измерения соответствующую поправку.

Этот пример показывает, что на самом деле объектом теории является не тот треугольник, который может “изготовить” человек, например, указав три точки в пространстве (забив в землю колышки), а некий *идеальный* треугольник, сумма углов которого *не может* не равняться двум прямым.

Так же точно идеальная тепловая машина не есть реальный паровоз или двигатель внутреннего сгорания. Но, тем не менее, выводы, сделанные на основе теории идеальной машины, говорят конструктору, какие усилия и в каком направлении должен он приложить, чтобы улучшить свое изделие, приблизить его к той цели, которой он хочет добиться (повысить мощность или экономичность или найти оптимальное соотношение между тем и другим.)

И, несомненно, что эффективность (практичность) всякой теории зависит от того, сколь близко ее идеальный объект соответствует по своим (*постулируемым* в теории) свойствам и качествам реальному объекту внешнего мира.

Мы получили определение понятия “теория”. Памятуя о том, что задача

определения – точное отграничение данного понятия от всех других понятий, полезно было бы сделать соответствующую проверку. Вопросу, являются ли все использованные нами в определении признаки необходимыми, мы уже посвятили достаточно места так, что добавить к сказанному, пожалуй, больше нечего. А вот проанализировать, все ли необходимые признаки понятия “теория” мы использовали в нашем определении, ещё предстоит. Главным критерием необходимости дополнения определения ещё каким-либо признаком является обнаружение в объеме определяемого понятия какого-либо постороннего элемента, т.е. чего-то такого, что теорией не является, но нашему определению соответствует. Нам пока этого сделать не удалось. Возможно, читатели смогут подсказать такие элементы, и тогда мы усовершенствуем наше определение. Не удалось пока обнаружить и ни одного объекта, который нам хотелось бы назвать теорией, но который при этом не соответствовал бы нашему определению. Это косвенно подтверждает, что все признаки, использованные в определении, использованы по назначению.

Изложение научных теорий не всегда позволяет разглядеть содержание этого понятия – “теория”.

Существует три способа изложения теорий: исторический, эвристический и аксиоматический.

Исторический способ изложения старается наиболее полно проследить историю становления и развития научной теории, рассмотреть различные попытки её построения, включая и ошибочные. Этот способ наиболее распространен.

Эвристический способ изложения старается как можно быстрее выявить наиболее полезные (хотя и необязательно наиболее фундаментальные) выводы теории и тут же показать способы их применения.

Исторический и эвристический способы неудачны для изложения теории во всей её полноте. Они излишне концентрируют внимание на выводах теории, не приводят в явном виде большинства первоначальных утверждений, не заботятся о логически выработанном определении используемых в теории понятий, оставляют в значительной мере неясной логическую структуру теории. Более того, до приведения теории к аксиоматическому виду трудно сказать, имеет ли право данная совокупность высказываний, данное учение вообще называться теорией. Причем изложение теорий гуманитарных наук, в отличие от естественных, в значительно меньшей степени соответствует аксиоматическому способу. Не являются исключением в этом смысле и юридические науки. Возможно, именно поэтому российские правоведы вплоть до XX века остерегались называть свои труды “теория права”, а соответствующий курс в российских университетах, центральный курс во всем правоведении назывался “энциклопедия права”.

Различие между историческим или эвристическим способами изложения и аксиоматическим способом сродни различию между процессом исследования и его результатом. Аксиоматически изложенная теория обязательно будет отличаться ясностью и систематичностью и становится совершенно прозрачной и открытой для критики. И это свойство, весьма неудобное для того, кто представляет теорию на всеобщее обозрение, объективно является очень полезным, поскольку автоматически переводит критику в конструктивное русло. Добросовестные критики вынуждены анализировать основные (неопределяемые) понятия, определения понятий определяемых и первоначальные утверждения (аксиомы) с тем, чтобы согласиться с ними, отвергнуть их (предложив свои) или указать на их частичное несовершенство (предложив их уточнение или развитие). Весь дальнейший критический анализ, т.е. логическое исследование предлагаемой теорией системы понятий, утверждений и выводов, возможен только в рамках какой-то, принятой и объявленной самим критиком совокупности понятий и аксиом (иначе это не критика). Дискуссия (а не спор) сразу становится понятной для стороннего наблюдателя, который получает возможность составить собственное мнение.

Как видно из вышеприведенного текста, набор понятий и первоначальных

утверждений в решающей степени определяется самим разработчиком теории. В гуманитарных науках, где роль факта, эксперимента в проверке “правильности” выводов теории крайне ограничена, неизмеримо более важными становятся оценка и качественный анализ именно системы понятий и первоначальных утверждений. Дискуссии между учеными - приверженцами разных теоретических школ в значительной степени бесплодны потому, что они ведутся (если ведутся) о правильности выводов разных теорий. При этом не обращается внимание на то, что и те, и другие выводы в рамках “своей” теории чаще всего “правильные”. Само различие выводов часто обусловлено различием их аксиоматических основ. Но, поскольку в гуманитарных науках обычно сами аксиоматические основы явно не сформулированы, то конструктивность таких дискуссий приближается к нулю.

Более того, аксиоматический способ изложения теории методологически представляет собой самостоятельный научный инструмент, использование которого может привести к дополнительным положительным результатам. Возможно, единая теория поля до сих пор не создана именно потому, что никто из больших физиков не удосужился изложить известный ему объем теоретической физики в аксиоматическом виде.

При переходе к содержанию нашей теории требуется отметить одно важное обстоятельство.

Что касается естественных наук, то аксиоматические системы используемых в них теорий помимо возможности внутренней проверки обладают еще одним мощным критерием истинности - применимостью к тем объектам, описанием которых данная наука занимается. Успешность этого приложения, как путем ответов на поставленные вопросы о механизме действия объекта, так и путем предсказания его поведения, является достаточным подтверждением теории до тех пор, пока она удовлетворяет практическим требованиям (например, точности предсказания). Проще говоря, теория подтверждается практикой.

Совсем иная ситуация в науках гуманитарных, а тем более политических. Работающие в гуманитарных науках по своему отношению к технологии получения знания вынужденно скорее не эмпирики, последователи Бэкона и Локка, а рационалисты, последователи Декарта и Спинозы. Для них истина заключается в том, что “Высшей основой знания служат истины самоочевидные, которые суть логическое усмотрение связи ясных простейших идей” [97, с.44], а не в утверждении о том, что “все идеи, в том числе высшие понятия, суть обобщения из опыта” [97, с. 46]. Для них основной методологический прием - дедуктивный синтез, а не индуктивный анализ. И это не есть их прихоть, результат свободного выбора. Напротив, это объективное обстоятельство, вызванное особым характером изучаемой ими предметной области. Если естественные науки главным образом говорят о сущем, существующем, о том, что не зависит от наших мнений о нем, то вторые говорят главным образом о должном, о том, чего мы хотим от объекта, к которому теория прилагается. Например, лингвистика представляет теорию существующего языка, а литературоведение пытается дать эстетическую оценку того, что на языке написано. Хотя, например, теория корабля или теория самолета как раз и говорят о том, каким должен быть корабль, чтобы он не утонул, или каким должен быть самолет, чтобы он полетел.

От выводов лингвистики не зависит (почти не зависит) поведение реального языка (исключение - эсперанто - только подтверждает правило). Литературоведение вольно или невольно пытается указать направление и дать критерии развития литературы.

Иначе говоря, естественные науки - науки о сущем - не оперируют оценочными суждениями, они не обсуждают хорошо или плохо устроен их мир, они говорят лишь о том, как он устроен и функционирует. Гуманитарные науки неизбежно связаны с оценочными суждениями, они говорят о том, каким должен быть их мир. Таким образом, предметом теоретических построений гуманитарных наук чаще всего является не только то, как устроены, как взаимодействуют элементы соответствующей гуманитарной области, а и то, как они *должны* быть правильно

устроены, как они *должны* правильно взаимодействовать.

Как же нам различать теории о сущем и теории о должном, а в более общем смысле - сущее и должное? В качестве критерия для такого различения может быть использована цель, т.е. её наличие или отсутствие. Если мы рассматриваем теорию гравитации, если предметом теории является гравитация, вполне бессмысленным является вопрос: "Зачем нужна гравитация?". Гравитация просто есть. Также и теория трения, движения планет, наследственности и т.п. Это теории о сущем.

Если же мы рассматриваем, например, теорию корабля, такой вопрос перестает быть бессмысленным. Разрабатывая теорию корабля, мы хотим, чтобы корабль поплыл, при этом поплыл быстро, надежно, был грузоподъемен и т.п. Таким образом, разрабатывая теорию корабля, мы хотим, чтобы построенный в соответствии с нашей теорией корабль соответствовал той цели, которую мы перед ним поставим. Либо быть очень быстрым, либо очень надежным, либо очень грузоподъемным, либо сочетать в себе эти качества в какой-то заданной нами пропорции. Разрабатывая теорию о должном, мы хотим знать, каким *должен* быть корабль, чтобы он соответствовал поставленной нами цели. Следовательно, при всей условности вышесказанного, если предмету теории мы можем предпослать цель, эта теория является теорией о должном. Предметы гуманитарных наук (и, в частности, юриспруденция) обычно такую цель имеют, правда, не всегда говорят об этом открыто.

Представление о должном у людей, в том числе и у тех, кто занимается гуманитарными науками, разное. Игнорирование этого факта, т.е. попытки дискутировать по поводу выводов разных теорий, не попытавшись предварительно сформулировать расхождение авторов теорий в их представлениях о должном, всегда заводит дискуссию в тупик.

Представления о должном состоят из определенных утверждений, идей, которые в соответствии с нашим определением теории можно рассматривать либо как аксиомы, либо как теоремы - выводы.

Однако, и в политических науках, в частности, в науке о праве можно и нужно предварительно рассмотреть существующие, существовавшие, могущие существовать правовые системы и заложенные в них идеи для того, чтобы, опираясь на максимально возможный объем уже имеющейся информации, сформировать свое достаточно полное и непротиворечивое представление о должном.

С этой целью существующие представления о должном можно и нужно структурировать.

Такие структурированные представления о должном состоят из политических идей***, которые могут быть сгруппированы, например, вокруг нескольких (трех) осей, образующих "**политическое пространство**". При правильном структурировании каждая локальная область политического пространства должна быть уникальной в том смысле, что для разных областей политического пространства было бы невозможно сформулировать одинаковый набор аксиом теории о должном. Политическое пространство - и есть то пространство сущего, в котором нам предстоит выбрать область, и к ней прилагать нашу теорию о должном. О должном, т.е. соответствующем именно выбранной нами области политического пространства.

Исходя из перечисленных выше условий, попытаемся структурировать

*** Я сознательно обезличил предложенные политические идеи с тем, чтобы сконцентрировать внимание исключительно на их содержании. Хотя *для себя* я их определяю как: 1 - либерализм, 2 - коммунизм, 3 - социализм, 4 - демократия, 5 - деспотия, 6 - исключительность, 7 - равноправие. Однако, поскольку у других людей за этими терминами могут скрываться другие понятия и это может помешать им разобраться в сути излагаемого, оставим эти политические идеи пока безымянными.

политическое пространство.

Первой и наиболее важной осью такого политического пространства является *ось безусловных ценностей: человек - общество - государство*.

На одном конце этой оси расположена политическая идея №1, согласно которой каждый человек является наивысшей ценностью - центром вселенной, ради которой всё существует и функционирует. Общество - это совокупность отдельных личностей, не должна иметь ни на какую личность никаких прав, не должна иметь никаких интересов, противоречащих интересам отдельной личности. Государство - некий инструмент, предназначенный для организации сосуществования людей и, так же, как и общество, не имеющий никаких прав на отдельную личность и никаких интересов, интересам этой личности противоречащих. У человека есть только три рода обязанностей - не нарушать таких же, как у него, прав других людей, исполнять обязательства, которые он добровольно на себя принял, и платить налоги на содержание государства. Государство обеспечивает выполнение этих обязанностей каждым человеком. Эта политическая идея предполагает наличие у каждого человека максимально возможного количества свободы.

На другом конце этой оси расположена политическая идея №2, согласно которой государство - это все. Человек - это винтик, роль и функция которого определена государством. Любое предписание государства законно и подлежит неукоснительному исполнению. У человека нет никаких самостоятельных целей. Общество - инструмент государства, помогающий методами солидарной ответственности (один за всех и все за одного) принудить отдельного человека исполнять любые предписания государства.

Примерно в центре рассматриваемой оси расположена политическая идея №3, согласно которой наивысшей ценностью является общество. Общество ставит цели жизни и развития своим отдельным членам. Общество дает оценку действиям человека с точки зрения их полезности для достижения целей общества - его сохранения и развития. Человек вправе преследовать любые цели, не противоречащие интересам общества как целого, обязан соблюдать права других людей, исполнять свои добровольные обязательства и все предписания общества, направленные на достижения его, общества, целей. Государство обеспечивает выполнение этих обязанностей каждым человеком.

На протяжении всей первой оси присутствует элемент - государство как совокупность структур и механизмов управления, объем и характер функций которого в зависимости от положения на оси изменяется. Но как государство образуется, что является источником его власти? На эти вопросы отвечают политические идеи, расположенные вдоль второй оси нашего политического пространства - *оси источников права*.

На одном конце второй оси расположена политическая идея №4, согласно которой все граждане данной страны являются источником государственной власти и, следовательно, все они вправе управлять государством. Это управление может осуществляться гражданами непосредственно или через своих представителей.

На другом конце этой оси расположена политическая идея №5, согласно которой государственная власть под тем или другим (иногда благовидным) предлогом может осуществляться единолично. В зависимости от предлога или способа достижения власти она может называться монархия, диктатура, тирания и т.п. История демонстрирует нам большое число разнообразных промежуточных вариантов триумвиратов, директорий, семибоярщин и других узурпаций.

Когда мы говорим о демократии как о равенстве прав на управление делами государства, мы говорим, что это равенство прав касается только граждан. Вместе с тем, существуют политические идеи, которые говорят о том, что отнюдь не все люди достойны называться высоким словом - граждане. Кроме того, наряду с правом государственного управления каждый человек теоретически может обладать (или не обладать) и иными разнообразными правами. Эти факты не нашли отражения на первых двух осях, следовательно, появляется необходимость во введении третьей оси нашего политического пространства - *оси использования права*.

На одном конце третьей оси расположена политическая идея №6, согласно которой есть люди (человек) первого и других сортов. Людям первого сорта принадлежат все права, обусловленные положением на первой и второй оси, а остальные люди не имеют никаких прав. Причем принадлежность к первому сорту может определяться разными обстоятельствами (национальность, религия, происхождение и т.п.).

На другом конце этой оси расположена прямо противоположная политическая идея №7, согласно которой все люди политически одного сорта и никакая исключительность не допускается. Каждый человек обладает точно таким же объемом прав, как и любой другой.

Пояснить устройство “политического пространства” можно еще следующим образом. Мы можем сопоставить некоторые политические показатели отдельным точкам осей и назвать соответствующие исторические примеры (Приложение 3). Пусть деспотия - власть одного - есть единица, а демократия - власть всех - ноль. Или человек соответствует на оси точке ноль, а государство - точке единица. Равноправие - ноль, исключительность - единица. Тогда мы увидим, что все исторически наблюдаемые комплексы идей имеют отклонения от этих граничных точек: нигде значение государства не сведено (и не может быть сведено) к нулю. Даже от деспотии (власть одного) в современных демократических государствах остался принцип единоначалия – президент, премьер-министр, а где-то и монарх.

Случайно, но удачно получилось, что человек, равноправие и демократия оказались в начале координат нашего пространства. Нет нужды доказывать, что человечество на протяжении всей своей истории, через страдания и общественные катаклизмы стремилось именно к этой идеальной точке. “Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом; эти построения каждый раз показывают, что в нем есть дух жив, есть движение нравственного чувства и сознания” - говорит П.И.Новгородцев [55, с.602]. Попробуем и мы внести свой вклад в поддержание этого духа. Можно предполагать, что в этом стремлении проявился какой-то неведомый пока закон, связывающий в человеческом сознании добро, благо, все хорошее именно с понятиями человека, равноправия, демократии, а зло, неблагополучие, все дурное с понятиями противоположными им на наших осях.

Мы открыто признаем, что не будем противиться этой тенденции, что все наши устремления связаны именно с этим началом координат.

Очевидно, что правовая система, сформулированная в полном соответствии с политическими идеями 1-4-7 неизбежно будет радикальным образом отличаться от правовой системы, сформулированной в соответствии с политическими идеями 2-5-6, именно потому, что представление о должном у разработчиков правовой системы - приверженцев политических идей 1-4-7 радикально отличается от представления о должном у приверженцев политических идей 2-5-6. (Здесь мы вынуждены употребить термин “правовая система”, не раскрывая пока его понятия. Раскрытию этого понятия будет посвящена соответствующая глава в настоящей работе. Остается только надеяться, что в данном месте в начале работы использование этого термина не вызовет затруднений у читателя.)

Оставим пока открытым вопрос о том, возможно ли создать правовую систему, соответствующую любой точке политического пространства или же здесь, как и в квантовой физике, есть разрешенные и запрещенные области. Сейчас для нас важно другое. Указанные выше правовые системы (1-4-7 и 2-5-6) не могут быть описаны в рамках одной теории права. Как мы уже определили, наличие в двух теориях хотя бы двух разных аксиом однозначно делает их разными теориями. Следовательно, для разных областей политического пространства *одной теории права быть не может*. Каждая область политического пространства *требует* собственной теории права. Очевидно, что эти теории будут опираться на существенно разные наборы аксиом. Существенно, но не абсолютно. Эти различия несомненно затронут те части теорий, которые касаются должного, но могут и не

затронуть те части, которые касаются сущего. Не исключено, что радикально отличающиеся в области должного теории могут совпадать в области сущего. Разумно было бы предположить, что именно здесь, в области сущего лежат основы основ любой теории права.

Попробуем же и мы нашу работу начать с отыскания такой основы основ. Но как из всего того, что составляет содержание теории права, выделить то, что можно было бы с уверенностью отнести именно к сущему? Может быть в решении этой задачи нам поможет та фраза, с которой Ж.Ж.Руссо начинает свое бессмертное творение: “Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они есть, а законы такими, какими они могут быть” [71, с.197]? Если согласиться с позицией великого сына Женевской Республики, а не соглашаться с ним в этом вопросе нет никаких оснований, то главным претендентом на роль сущего в теории права является сам Человек, его сущность в правовом аспекте, те его характеристики, которые присущи всем людям и являются существенными для теории права. Ведь без человека, как его субъекта, нет, и не может быть никакой теории права. Итак